

Умный, хороший человек

М.В. Мина¹

(Интервью взял В.В. Птушенко²)

¹ Институт биологии развития имени Н.К. Кольцова РАН, Москва, Россия; mvmina@bk.ru

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Институт биохимической физики имени Н.М. Эмануэля РАН, Москва, Россия;

ptush@belozersky.msu.ru

Михаил Валентинович Мина — ихтиолог, эволюционный биолог, д. б. н. Выпускник и сотрудник биофака МГУ с 1963 по 1977 г. и Института биологии развития АН СССР / РАН с 1977 г. по настоящее время. Организатор школьных биологических олимпиад (ШБО) на биофаке МГУ в 1970-х гг. В беседе, состоявшейся 10 декабря 2023 г., М.В. Мина вспоминает свои встречи с С.Э. Шнолем, Н.В. Тимофеевым-Ресовским, А.М. Молчановым, о проведении ШБО, об участии в научных школах, о руководстве кандидатской диссертацией А.С. Кондрашова, а также о своих научных интересах.

Ключевые слова: школьная биологическая олимпиада, всесоюзные школы по математическому моделированию сложных биологических систем, ритмы роста и развития, С.Э. Шноль, Н.В. Тимофеев-Ресовский, А.М. Молчанов.

М.В. Мина — Мы познакомились со Шнолем в 1969 г. Была школа в Аксаково — это на каком-то водохранилище к северу от Москвы. Это был дом отдыха, не более не менее как горкома ВЛКСМ Москвы. Как уж это вышло — не знаю, иногда странные дела творятся. На школе присутствовало много известных людей, осенял все это Тимофеев-Ресовский¹ своим присутствием. И там я познакомился и со Шнолем, и с Молчановым². С Молчановым я потом активно занимался организацией его школ. А со Шнолем мы занимались олимпиадами на биофаке, он

¹ Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович (1900–1981) — выдающийся биолог XX в, генетик из школы Н.К. Кольцова. (*Здесь и далее — прим. В. Птушенко.*)

² Молчанов Альберт Макарьевич (1928–2011) — математик, педагог, организатор и директор Научно-исследовательского вычислительного центра АН СССР — Института мате-

был председателем жюри, а я — заместителем председателя. Шноль в основном появлялся в первый день олимпиады, на открытии, произносил тронную речь. В общем, очень здорово он это делал. Я видел его ролики на «Ютубе», и это не передает того ощущения. Он был очень обаятельный человек. Он рассказывал без всякого наигрыша, но его повествование увлекало. И детям, которым сложно, конечно, погружаться в научные тонкости, это было особенно важно. Там дети, правда, разные были — с пятого по одиннадцатый классы (или десятый, не помню, какой тогда был последним). В те времена многие «экспериментальщики» (биофизики, биохимики) любили превозносить свои науки. Но, вообще-то говоря, основа биологии — это, конечно, зоология и ботаника. И надо сказать, что Шноль очень неплохо ориентировался в зоологии. В ботанике, думаю, тоже, но не знаю. Был такой Борис Вепринцев, он собирал голоса птиц, первая коллекция такая была — так Шноль с ним ездил.

Кстати, я вспомнил эпизод, как Шноль детям объяснял про роль биохимии: что вы, дескать, думаете, что биохимия не имеет отношения к живой природе. К сожалению, сейчас это действительно так, но вообще-то есть задачи, которые биохимикам надо было бы решать, а они их не решают. И, в частности, роль запахов в нашей жизни. Например, индейцы в Америке очень хорошо понимали, что запахи запоминаются лучше, чем что бы то ни было. Вот выходит разведчик-индеец и видит вигвамы чужого племени. Посчитает их — ага, 15 вигвамов; понюхает мятую. Возвращается и докладывает, вот там и там вигвамы чужого племени... понюхает мятую и сообщает: 25 вигвамов! Ну, оговорился С.Э., но многие слушатели восприняли это как тонкую шутку.

И потом он приезжал на третий тур. Олимпиада в три тура проходила: первый — ответы на вопросы, а второй — кабинеты. По-моему, шесть кабинетов надо было пройти по зоологии и ботанике. Я в кабинете про рыб школьников спрашивал. Были млекопитающие и птицы, были беспозвоночные. И были ботанические. А потом уже, на третьем туре, те, кто набрал наибольшее число баллов, проходили собеседование.

Я вот сейчас пытался вспомнить, когда я начал этим заниматься. В 1971 г. я уже точно был завязан в олимпиаду, потому что в 1971 г. первую премию получил сын Шноля, Леша Кондрашов. Он ее разделил с Евгением Куниным — это сейчас большая величина в молекулярной генетике. Он, правда, у меня не был, в кабинет рыб он не ходил. А Леша — ходил. Надо сказать, я, в общем-то, знал, что он во всех кабинетах идет на отлично, а у меня он как-то немножко тормозил. «Ну, задайте еще вопрос!» Я ему показал черного амура, фиксированный экземпляр, он в общем-то его определил. Я говорю: «А чем он питается?» И, как мне рассказывали, он потом говорил ребятам: «Ну да, я знаю, что белый амур питается растительностью. А черный — ну чем он может питаться? Вряд ли он хищник. Значит, бентосом!» И точно. Так что все-таки пять я ему поставил.

Потом мы изредка — раза два в год — встречались со Шнолем. С удовольствием вроде бы общались, я по крайней мере, ну и он вроде тоже вполне был расположен. Но поскольку он в Пушино был, в Москву только наезжал — даже обычно пролетал,

не было времени в гости ходить. С ним плотно общался Александр Серафимович Голубцов³ — он был дружен с Алешей, а потом навещал Шноля.

Еще мы со Шнолем сошлись вот на чем: у него был пунктик по поводу ритмов. В свое время он, можно сказать, сделал, карьеру, обнаружив ритмы в химической реакции Белоусова — Жаботинского⁴. Да, он же был руководителем Жаботинского⁵. А мы занимались в основном ритмами роста. И были тоже слегка на этом сдвинуты и полагали, что регуляция происходит именно через ритмы. Наверное, так оно и есть, но показать это довольно сложно. Мы даже как-то с женой чуть в Антарктиду не угодили. Мы работали с мышами, на них эти ритмы смотрели. А идея была в том, чтобы выяснить, как эти ритмы будут проявляться, если мышей от нас забросить на Южный полюс? И, в общем, вся эта затея была очень близка к завершению, мы согласились ехать туда вдвоем на год, но потом почему-то это накрылось, я уже не помню почему, и никто туда не поехал. А так, конечно, это было бы забавно.

И вот мы как раз с Симоном Эльевичем, когда встречались, всякие ритмы обсуждали. А его идея последних лет была такая: он уверял, что обнаружил ритмы в ядерном распаде — какие-то там космические ритмы. Ну, физики, большинство, считали, что все это полная ерунда. А академик Гинзбург как-то даже выслушал Симона Эльевича на семинаре и сказал, что — ну да, скорее всего, это все не так, но если это так, а мы на это не обратим внимания, то нам потом этого не простят.

В.В. Птушенко — Я был на этом семинаре у Гинзбурга, и мне запомнился еще такой эпизод: один из первых вопросов, который Гинзбург задал Шнолю, был вопрос: «А сколько Вам лет?» На что С.Э., на секунду задумавшись и оценив, в какой аудитории он находится, ответил: «Порядка ста».

М.В. — Да. Но вот дальше — я не знаю, проверяли это или нет. Как я понимаю, большинство его коллег, которые больше меня в этом понимают, так и не были убеждены, что такое явление существует.

В.В. — Не помните ли вы, как получилось, что Шноль стал председателем жюри биологической олимпиады? И до него, и после в этой роли были только профессора биофака.

³ Голубцов Александр Серафимович — ихтиолог, сотрудник ИПЭЭ им. А.Н. Северцова РАН.

⁴ Это не совсем так: как раз наоборот, Шноль категорически отказался делать себе карьеру на реакции Белоусова — Жаботинского, отказавшись как от участия в публикациях по этой теме, в которые, по его мнению, он не внес достаточного вклада, так и от получения Ленинской премии. Это хорошо видно, в частности, по выступлению С.Э. Шноля на заседании ученого совета Института биологической физики АН СССР, на котором происходило выдвижение этой работы на соискание Ленинской премии (см. стенограмму заседания в этом выпуске). Однако несомненно то, что обнаружение этой реакции и работа над ее изучением под его руководством существенным образом повлияли на научные интересы и идеи Симона Эльевича.

⁵ Жаботинский Анатолий Маркович (1938–2008) — биофизик; вместе с А.Н. Заикиным и другими сотрудниками С.Э. Шноля внес основной вклад в исследования колебательной реакции Белоусова — Жаботинского.

М.В. — Да, до него — Благосклонов⁶, после — председателями оргкомитета были Владимир Александрович Голиченков⁷, какое-то время, по-моему, был Дмитрий Васильевич Попов. Можно Голиченкова расспросить.

В.В. — Он этого не знает.

М.В. — Этого никто, наверное, уже не помнит, кто был инициатором. Но на самом деле это действительно был очень удачный выбор. Ну, конечно, тащить повседневную работу должны были я, как заместитель, и потом там был очень хороший студенческий оргкомитет. И тут тоже довольно забавная была история. В какой-то год на биофаке приходят ко мне члены этого оргкомитета и говорят: «Вы извините, но мы не сможем заниматься олимпиадой, потому что вышел такой приказ, что стипендию будут платить только тем, кто ведет общественную работу, а это не желают считать общественной работой». Я пошел к биофаковскому комсомольскому вождю и говорю: «Слушайте, что за ерунда? Люди делают нужное полезное дело. Чем это не общественная работа?» На что он мне сказал: «Но они же делают это с удовольствием!» По-моему, прекрасно!

В.В. — Это кто был, не помните?

М.В. — Я не помню точно — морду помню, а фамилию — нет. Но потом все-таки одумались и сочли это общественной работой. Но вот сама эта формулировка — что если люди охотно занимаются работой, то это не общественная работа!

В.В. — Елена Георгиевна Глаголева, организовывавшая Всесоюзную заочную математическую школу вместе И.М. Гельфандом, рассказывала совершенно аналогичную историю. После нескольких лет работы школы студентам мехмата МГУ вдруг отказались считать работу для школы общественной работой, практически с той же формулировкой.

М.В. — Да, суть была в том, что общественная работа — это то, что делают из-под палки. И нормальному человеку это не должно нравиться. И те, кто сидели в начальстве, видимо, искренне так считали, не обвинишь в лицемерии!

В.В. — Какие были задания на олимпиаде?

М.В. — Составление вопросов — это было очень интересное занятие. У младших классов вопросы были в основном на интерес, а не на знания. Например — не помню, чья была идея, — были даны картинки, как художник представлял себе животное с таким-то названием. Вот — пальмовый вор: бежит человек с кадкой, в которой пальма, а за ним толпа бежит. И нужно написать, кто такой пальмовый вор на самом деле. Потом — морской черт, морской ангел. Или — стеллерова корова. Стоит такой вальяжный джентльмен в парике, а рядом его корова. Ребят это очень развлекало. Таких вопросов довольно много было. Были посложнее, уже для старших классов. Например: у таких пород, как спаниели, щенки с укороченными хвостами рождаются чаще, чем у сеттеров. Как это понимать? Не есть ли это наследование приобретенных свойств? Их родителям рубили хвосты, и теперь у них хвосты укороченные? Вот вопрос — как вы это дело трактуете? Нужно было сообразить, что мутации, ведущие к укорочению хвоста, возникают у всех, но у тех же сеттеров это бракуется и в размножение не допускается. А у спаниелей это не отбраковывалось, поэтому чаще

⁶ Благосклонов Константин Николаевич (1910–1985) — зоолог, организатор юннатского и природоохранного движения, доцент биологического факультета МГУ.

⁷ Голиченков Владимир Александрович, эмбриолог, профессор биологического факультета МГУ. Его воспоминания о С.Э. Шноле см. в этом же выпуске.

встречалось. Или еще вопрос примерно той же поры: есть такие цирковые семьи собак. Они выступают в цирке, и эти цирковые собаки лучше обучаются, чем подбренные со двора. Почему это может быть? Научение от родителей им передается? Надо было сообразить, что дело не в умении прыгать через обруч, а именно в способности к обучению, а она — таки да, наследственная. Ну, там много интересных вопросов было. По-моему, даже когда-то Беркинблит⁸ с кем-то эти вопросы где-то публиковали, в каком-то педагогическом издании⁹.

Кстати, я вспоминал кто еще мог бы что-то рассказать — есть такой Сережа Багоцкий, можно с ним поговорить. Он был студентом, тоже активным участником этой самой группы энтузиастов, которые занимались олимпиадой¹⁰. Был такой еще Костя Коротков, Константин Олегович. Он был, кажется, на кафедре биохимии, но увлекся ботаникой и занимался в основном ботаникой. Опять же не знаю, куда он делся. Был Чайнов Никита, тоже не знаю, где он.

В.В. — Да, с ним я говорил¹¹.

М.В. — А еще в этой команде был Боря Жуков. Он научный журналист. Также был весьма активен там и может рассказать изнутри, потому что я все-таки смотрел со стороны. Еще Нина Уланова¹², тоже была активным участником. Хорошие ребята подбирались, потому что, действительно, занятие было — с одной стороны, вроде ты общественной работой занимаешься, но эта работа не противная.

В.В. — Вы уже упомянули в связке про Шноля и Молчанова. Вас что-то еще с ними связывало, кроме школ и олимпиад?

М.В. — Альберт Макарьевич Молчанов, математик — и, видимо, хороший математик, не мне судить, очень интересный человек. Он был прекрасный методист. Как-то я ему сказал про одного из наших молодых коллег: «Он, конечно, — голова, и все при нем, но только что же у него все кругом дураки, а один он умный! Ну не надо так!» «Да, — ответил Молчанов, — я ему обязательно скажу. Уж на что я умен, а и то...» Он был очень живой человек с большим чувством юмора. Ну, немножко играл, но это у него не натушно получалось, такой артистизм органичный.

С Молчановым я еще много общался, поскольку мы с ним как раз на двоих обучали, готовили к диссертации Лешу Кондрашова. Это была очень злободневная тема — как организовать взаимодействие биологов и математиков? И обсуждали две модели. Одна называлась «диполь» — это когда один биолог и один математик находят взаимопонимание и работают вместе. А вторая модель называлась «кентавр» —

⁸ Беркинблит Михаил Борисович, биолог, организатор Школьной биологической олимпиады на биологическом факультете в 1970–1980-х гг. Его воспоминания о С.Э. Шноле планируются к публикации в сборнике воспоминаний, аудиозапись его воспоминаний приведена на сайте фонда «Устная история», <https://oralhistory.ru/talks/orh-2589>.

⁹ Беркинблит М.Б., Глаголев С.М., Голубева М.В. Биология в вопросах и ответах. М.: Моск. ин-т развития образоват. систем — «Международные отношения», 1993 (а также последующие издания).

¹⁰ Воспоминания С.В. Багоцкого планируются к публикации в сборнике воспоминаний о С.Э. Шноле.

¹¹ Воспоминания Н.В. Чайнова планируются к публикации в сборнике воспоминаний о С.Э. Шноле.

¹² Воспоминания Н.Г. Улановой планируются к публикации в сборнике воспоминаний о С.Э. Шноле.

один человек совмещает знания в биологии и в математике. Вот как раз из Лешки мы делали такого кентавра, и в общем небезуспешно, я бы сказал. Но, конечно, далеко не из любого такое получится. Руководителями диссертации у него были Молчанов и я. Но под конец Молчанов сказал: «Не могу я быть у тебя руководителем, потому как я вот в этой биологической части ничего не понимаю». А я в ответ сказал: «Так тогда и я не могу быть руководителем по той же причине — я в другой части ничего не понимаю». Поэтому — я не знаю, сейчас, может быть, это бы так не было странно, а тогда это было необычно — он защищался вообще без руководителя. Вот в нашем институте защитился.

В.В. — В Институте биологии развития?

М.В. — Да, я к тому времени был уже там. И вот когда мы Лешку образовывали, он в основном в Пушкино проживал, а раз в неделю приезжал в Москву, в библиотеки. И питаться сюда приходил. Ну и мы с ним, естественно, обсуждали планы, достижения и т. п.

В.В. — Интересно, а на почве руководства Кондрашовым Вы с С.Э. как-то контактировали?

М.В. — Почти нет. Ну, естественно, при встрече Шноль интересовался, как там дела у Алеши. Но он и так это знал, Молчанов-то тоже был в Пушкино, так что ему проще было общаться с Молчановым.

В.В. — Вы сказали, что у Вас кроме олимпиады были какие-то точки соприкосновения со Шнолем. Одну из точек общих интересов Вы назвали — биоритмы. А что еще?

М.В. — Я почему-то после первого разговора с Вами думал, что Вас молчановские школы интересуют. Но там Шноль не участвовал.

В.В. — Ну, все же скажите о них хотя бы в двух словах.

М.В. — На школах Молчанова я в оргкомитете был. Это был шестьдесят восьмой год, когда я в первый раз туда попал. Задача моя и Бори Виленкина, который привлек меня туда, была искать лекторов. Школы эти назывались: «...по исследованиям сложных систем». Но поскольку сложнее биологических пока ничего не придумают, то в основном там собирались биологи. Но не только, там и физики были, и даже какой-то социолог присутствовал. Все это дело регулярно освещал журналист Карл Левитин из журнала «Знание — сила». Здорово были эти школы организованы. Утром был доклад — большой такой, на два часа. Потом были секции. А самое интересное — уже по вечерам было, когда вся эта программа кончалась, все разбегались по номерам и там выпивали и трепались.

В.В. — Про школы Молчанова — понятно. А вот те, в которых Тимофеев-Ресовский участвовал, Вы больше на них не бывали?

М.В. — Нет, она последняя была, на которой я был в 1969 г. Это было, кажется, на берегу Пяловского водохранилища, место было очень симпатичное. Ну и обстановка вольная. Там можно было на доклад в плавках прийти, потом — на пляж, или наоборот. Там Тимофеев-Ресовский в пух и прах разносил всех докладчиков. Мне тогда это не понравилось. У него была такая манера. Но многим нравилось. Доклады шли, а он стоял на сцене, завернувшись в одеяло, и комментировал, как правило, сокрушительно. Мне тоже предстояло делать доклад. А я вообще не любил такого и шел уже в боевом настроении. Возражать ему вроде бесполезно. Я иду между рядов, а кто-то: «Ага, еще один череп к избушке Бабы-яги». И я докладывал, обращаясь в основном к нему и с такой агрессией... Он слушал, слушал... «Слушайте,

откуда Вы такой взялись? Это интересная мысль!» В общем, возможно, так и надо было вести себя. А мысль там и правда была неплохая — но неверная. До сих пор я не знаю. Вроде бы феномен есть, а объяснить, как я тогда пытался, не получается. Идея о связи числа одновременно живущих поколений и эволюционной успешности вида.

В.В. — Интересно, Шноль очень ценил Тимофеева-Ресовского, но сам, кажется, никогда так с людьми не разговаривал...

М.В. — Нет, такого за Шнолем никогда не было! У Тимофеева просто стиль такой был. Я говорил, что Молчанов немножечко всегда играл, но у него это было приятно и органично. Тимофеев, по-моему, тоже играл — вот такого сурового гуру. После того заседания, где он всех разносил, кроме меня, мы идем, оказались рядом, и жена¹³ моя ему говорит: «Слушайте, Николай Владимирович, ну что же Вы, вот Вы там женщину так... Она стоит и рыдает». — «А что рыдает-то, дура? Хороший доклад сделала!»

Как видите, о самом Шноле я могу рассказать не так много.

В.В. — Это не важно, личные впечатления все равно очень ценны.

М.В. — Личные впечатления... Вот когда мы с женой его в первый раз увидели, а мы ведь кюзовцы, полевики, первое впечатление было — такой домашний хрупкий ребенок, наверное, на скрипочке играл. Но когда с ним ближе познакомились и узнали его биографию, поняли, как сильно ошибались. Он очень интересный был человек.

Умный, хороший человек.

A man of wisdom and good intent

MIKHAIL V. MINA¹

(THE INTERVIEW WAS CONDUCTED BY VASILY V. PTUSHENKO²)

¹ N.K. Koltsov Institute of Biology of Development of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; mvmina@bk.ru

² M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

N.M. Emanuel Institute of Biochemical Physics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; ptush@belozersky.msu.ru

Mikhail Valentinovich Mina is an ichthyologist and evolutionary biologist, Doctor of Biological Sciences, a graduate of the M.V. Lomonosov Moscow State University (MSU), Faculty of Biology, where he worked from 1963 to 1977, and the Institute of Developmental Biology (Russian Academy of Sciences) since 1977. He was also the organizer of the School Biological Olympiads at the MSU Faculty of Biology in the 1970s. In a conversation held on December 10, 2023, M.V. Mina recalls his meetings with S.E. Shnoll, N.V. Timofeev-Resovsky, and A.M. Molchanov, discussing the organization of the School Biological Olympiad, his participation in scientific schools, his supervision of A.S. Kondrashov's Ph.D. thesis, and his own scientific interests.

Keywords: School Biological Olympiads, All-Union Schools-conferences of young on Mathematical Modeling of Complex Biological Systems, biological rhythms of growth and development, S.E. Shnoll, N.V. Timofeev-Resovsky, A.M. Molchanov.

¹³ Клевезаль Галина Александровна (1939–2021) — биолог, специалист в области зоологии морских млекопитающих, пионер в области исследования регистрирующих структур.